

целеполагание в стремлении к реализации жизненных планов делает человека способным к уразумению индивидуальных и общественных норм бытия. «...То, что присущая нашему интеллекту столь важная форма влечет за собой подобную иллюзию, объясняется и оправдывается тем, что интеллект вышел из рук природы вовсе не для постижения сущности вещей, а только для восприятия мотивов, т. е. для услуг некоторому индивидуальному и временному проявлению воли» [7, 127]. Воля также существенный элемент в структуре повседневной жизни, т. к. образуя цели в различных сферах человеческого существования, становится центром сосредоточения ответов на вопросы: «как жить?», определяя цель жизни, и «для чего жить?», выделяя практические и духовные ценности, которые обозначают внутреннюю целостность жизни. Генезис ценностей — это результат не столько рациональной и волевой, сколько эмоционально-чувственной сферы. Ядром, природным и социальным компонентом, феноменом ценностного сознания являются эмоции, благодаря которым формируются оценки, ценности, выражается отношение к действительности. Высшие виды эмоций (интеллектуальные, правовые, нравственные, эстетические, религиозные и др.) являются регуляторной оценкой и средством выражения мира долженствования: норм, принципов, идеалов. Без эмоциональной активности невозможно духовно-практическое отражение реальности. Смысло-содержательные элементы структуры повседневного опыта жизни человека фундируются на компонентах ценностного сознания. Эмоции являются генетическим элементом и социальным регулятором в воспитании чувств, к практическим, социальным, духовным нормам, идеалам, ценностям.

1. Ницше Ф. Размышления в домашнем халате. М., 2007.
2. Ручка А. А. Ценностный подход в системе социологического знания. Киев, 1987.
3. См., напр.: Столович Л. Н. Красота, Добро, Истина. М., 1996.
4. Симонов П. В. Сознание и Мозг // Высшая нервная деятельность. Т. 43, вып. 2, М., 1993.
5. Подольский А. И. Интеллект в системе ориентировочной деятельности. Психологические исследования интеллектуальной деятельности. Под ред. О. К. Тихомирова. М., 1979.
6. Бердяев Н. А. Философия свободы. М., 2002.
7. Шопенгауэр Артур. Обитель духа. М., 2008.

Р. Я. Шляпугина

Чайковский

СОВРЕМЕННОСТЬ В КООРДИНАТАХ ПОВСЕДНЕВНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

У современности большие проблемы с самообоснованием. У нее, в сущности, нет собственной онтологии, в своей спешке она может дойти до абсурда: движение — это все, а цели и большие смыслы — ничто. Поэтому ей нужно совсем другое, то, что ненавязчиво задает ей онтологический горизонт. Таким другим для

нее может быть только традиция, но живая меняющаяся и одновременно остающаяся собой традиция.

В собственном смысле современность процессуальна, ибо она явственна лишь на переходе, на перекате — она не признает Авторитета. Ее субъект — суверенный индивид (*in-dividuum* — он не делит себя ни с кем) — живет в обществе и космосе риска (См. Словарь по ред. Ожигова С. Н. ; Словарь иностранных слов советского периода).

Современный человек чувствует себя совершеннолетним: он живет свою жизнь и платит по своим счетам.

Он не жалеет себя и, скорее всего, уже и не винит: на это просто не остается времени. И это плохо, ибо здесь возможна утрата современностью самой себя, ибо внутренне она существует только в форме рефлексии. Скорость и спешка способны выветрить из современности ее живое ядро.

Если извне современность — это новации и динамизм, рациональность, концепт личности, то изнутри современность — это самодостаточность и рефлексия. Ведь и началась современность с сошествия человека в себя (Возрождение и Реформация). Современный человек не только бежит (время — единственный бег современности, время — это то, из чего она, современность состоит), одновременно он (человек) рефлексировует.

Ведь современность это состояние души и образ мыслей (а не только эпоха). В известном смысле она всеисторична. Именно присутствие современности в истории (во все эпохи) делало и делает ее возможной. Современность принципиально не завершена. Это открытая система, развернутый веер возможностей.

Кстати сказать, слово «современный» (*modernus*) возникло задолго до современности — в первые века нашей эры в христианской среде. Христиане ощущали себя новыми людьми и они считали, что время меняет кожу. Они не ошиблись. Однако и до христианства жили современные люди: например, Будда, Сократ. Таким образом, современность есть способность человека перерастать себя. Это творчество, создание нового, т. е. прежде не бывшего. Жизнь заставляет нас быть более мобильными, более образованными, а часть из нас — более строгими в отношении к себе: имеется ввиду некоторый интерес к религиозной и, шире, духовной жизни. То, что в последние годы малая толика думающих людей держатся неподалеку от церковной ограды (думаю, что это факт не только региональной глубинки, но и амбициозного Екатеринбурга), а в церкви старушек преемственно сменяют люди среднего и младшего возраста (старушки — натура, увы уходящая), кажется мне еще одной приметой современности.

Сегодняшняя религиозность более рефлексивна, более самокритична и, если можно так сказать, социально вменяема, чем вера бабушек, спасающая в XX веке православную церковь. В этом тоже можно отыскать современность.

Рубеж нынешних веков и тысячелетий, в известном смысле, воспроизводит ситуацию перемен во французской (и европейской культуре) на рубеже XVII–XVIII веков: это спор между «традиционным» и «современным». Спорили об античной классике, о том, надо ли придерживаться ее образцов. Спорили о природе новизны. Это было время, когда европейская культура выходила из-под опеки культурных авторитетов прошлого. В нынешнем повседневном опыте

жизни возникает реальный, объективно обусловленный спор между прежним и новым. При этом ни прежнее, ни новое не обладают неоспоримыми преимуществами друг перед другом. В роли «прежнего» в данном случае выступают ценности, культура, психология, поведение, быт, т. е. структуры повседневности, выработанные культурой для соединения конкретных реалий повседневной жизни и их духовно-ценностного осмысления. И если в отношении к ним в обществе существует законный пиетет, тогда все остается по-прежнему. Если же новизна становится не живой потребностью, а идеологией, громким лозунгом, то перед нами не современность, а ее PR (пиар) и ее эрзац.

Есть чувство, что повседневное существование подошло к границе традиции и современности. Наша эпоха балансирует на форсированном переходе из прошлого в будущее, на нейтральной полоске происходящего сейчас. Мы должны жить на своей границе и напряженно вслушиваться в свою бездну.

Сейчас в культурной политике и в жизни вообще раскованное воображение значит намного больше, чем рационально-прагматический стиль, пытающийся угнаться за жизнью. Сегодня мир творит опережающее, проективное воображение, а не что-то иное.

Мир повседневности — пространство разворачивания жизнотворчества, самосозидания, самореализации — дает широкую возможность создания инновационных программ и лично-ориентированных технологий.

Перед нами стоит сложная задача — бережно соотнести, «вписать» богатейшее наследие региональной культуры, отечественной в целом в систему мировой культуры.

А основную проблему, наверное, можно выразить так: нужно ли форсировать процесс перемен или лучше делать два шага вперед и один назад? Современность — это идеология или прагматика?

Есть хорошая русская поговорка: «В дождь крышу не кроют, а без дождя она и так не течет».

Л. А. Шумихина

Екатеринбург

ЦЕННОСТНЫЙ МИР МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В АСПЕКТЕ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

До начала 60-х годов понятие субкультура связывалось с представлением о молодежи, которая отличалась девиантным или эпатажным поведением. Но в 60-х годах субкультурой стали считать такие социумы, ценности которых характеризовали специфические мировоззренческие позиции и стиль жизни не только молодежи, но и других слоев общества. Г. Маркузе определяет субкультуру как «образование внутри культуры, которое выражает негативное отношение к традиционным ценностям и нормам» (Новости. Электронный ресурс.// Уральские новости // URL: <http://www.apin.ru/news.asp>).